

ЛИТЕРАТУРА

- Березовец Д. Т. 1963. Поселения улчей на р. Тясмине. — МИА, вып. 108, с. 145—208.
- Ворошич Н. Н. 1948. Поселение. — В кн.: История культуры Древней Руси, т. 1. М.—Л., с. 182—203.
- Гончаров В. К. 1963. Лука-Райковская. — МИА, вып. 108, с. 283—315.
- Довженко В. И. 1969. Об экономических предпосылках сложения феодальных отношений у восточных славян. — В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., с. 28—39.
- Ефименко Н. П. 1931. Раннеславянские поселения на среднем Дону. — Сообщения ГАИМК, № 2, с. 5—9.
- Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. 1948. Древнерусские поселения на Дону. М.—Л. 128 с.
- Косвен М. О. 1953. Очерки истории первобытной культуры. М. 216 с.
- Линка Н. В. и Шовкопляс А. М. 1963. Раннеславянское поселение на р. Тясмине. — МИА, вып. 108, с. 234—242.
- Ляпушкин И. И. 1957. О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. — КСИИМК, вып. 68, с. 3—13.
1958. Городище Новотроицкое. М.—Л. 328 с.
1961. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. М.—Л. 383 с.
1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л. 192 с.
- Маретин Ю. В. 1975. Община соседско-большесемейного типа у минангкабау (Западная Суматра). — В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., с. 60—132.
- Морган Л. 1934. Древнее общество. Л. 350 с.
- Неусыхин А. И. 1968. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья). — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. 1. М., с. 596—617.
- Рапов О. М. 1969. Была ли вервь «Русской Правды» патрионимией? — СЭ, № 3, с. 106—117.
- Раппопорт П. А. 1975. Древнерусское жилище. — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., с. 104—155. М., с. 142—146.
- Русанова И. П. 1966. Исследования памятников на р. Гнилобичи. — АО 1965 г.
- Рыбаков Б. А. 1969. Союзы племен и проблема генезиса феодализма на Руси. — В кн.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., с. 25—28.
- Соловьева Г. Ф. 1956. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. и. э. — СА, № XXV, с. 138—170.
1953. Славянские племенные союзы по археологическим данным. Автореф. канд. дис. М. 14 с.
- Третьяков П. Н. 1953. Восточнославянские племена. М.—Л. 312 с.
- Фроянов И. Я. 1972. Семья и вервь в Киевской Руси. — СЭ, № 3, с. 90—97.
1974. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л. 159 с.
- Черепнин Л. В. 1972. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: Пути развития феодализма. М., с. 126—257.
- Ширинский С. С. 1970. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении древнерусского государства. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., с. 189—211.

проблемы археологии, Вып 2, изд. Ленинградского университета, Л, 1978.

Н. В. Дубов

ЯРОСЛАВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В IX—XI СТОЛЕТИЯХ

(итоги историографии)

Проблемы освоения древнерусским населением Ярославского Поволжья и всей территории Волго-Окского междуречья, роль местного финно-угорского населения в формировании здесь нового этнокультурного образования — древнерусской народности — привлекают к себе внимание историков, лингвистов, этнографов, археологов уже более ста лет (Корсаков, 1872, с. 43—55; Спицын, 1905, с. 163—164; Зеленин, 1929, с. 99—107; Станкевич, 1941, с. 57—58; Горюнова, 1961, с. 183—188; Фехнер, 1963, с. 5—17; Третьяков, 1970, с. 126—127). История изучения этого вопроса подразделяется на два основных периода: дореволюционный (А. С. Уваров, А. А. Спицын, И. А. Тихомиров, Т. Арне) и советский (Ю. В. Готье, Я. В. Станкевич, Е. И. Горюнова, М. В. Фехнер, П. Н. Третьяков). Изменения взглядов на проблематику отражают общетеоретические установки, конкретные интересы и направления развития исторической науки в целом и археологии в частности в каждый из этих двух периодов.

Археологические материалы Северо-Восточной Руси впервые были введены в научное обращение в середине XIX в. раскопками А. С. Уварова и П. С. Савельева. Исследователи, раскопавшие 7759 курганов Владимиро-Суздальского ополья, заложили археологический фундамент для развернутого исторического изучения процессов, протекавших на данной территории в эпоху раннего средневековья. Вещественные древности впервые были использованы для этнографической характеристики одного из летописных племен. Исходя из территории, указанной в летописи, Уваров полагал, что исследуемые им памятники принадлежат мере, а древности определял как «мерянские» (Уваров, 1869, с. 641).

Однако долгое время после этих работ основные исследования по истории освоения славянами Северо-Востока ограничивались использованием данных письменных источников, топонимики, гидронимики и «сравнительной филологии» (Ешевский, 1870, с. 603; Соболевский, 1892, с. 45—48), по сути дела игнорируя археологический материал. Вплоть до конца XIX в., фактически независимо друг от друга существовали археологическая характеристика «мерянского» населения и историческая концепция заселения этой территории новгородцами, построенная на основании письменных источников и лингвистики (Карамзин, 1892, с. 74; Соловьев, 1859, с. 72, 75; Полевой, 1830, с. 63; Корсаков, 1872, с. 47—61; Бестужев-Рюмин, 1872, с. 64; Ешевский, 1870, с. 603—644; Соболевский, 1902, с. 1—5; Ключевский, 1908, с. 367; Платонов, 1915, с. 104; 1922, с. 47).

Новый этап развития русской археологии связан с именем А. А. Спицына. С помощью археологических методов — типологии и картографирования вещей — он создал новый исторический источник, «этнографическую карту» Древней Руси (Спицын, 1899). Вещественные древности впервые были использованы для исторических реконструкций и решения широких исторических проблем. В частности, А. А. Спицын построил новую «модель» процесса колонизации Северо-Востока, полагая, что исходный центр ее находился не на Северо-Западе, в землях словен новгородских, а в области кривичей — Смоленском Поднепровье. Исследователь основывался при этом на сходстве богатых дружинных курганов Гнездова с подобными же во Владимирской земле, точнее, на наличии там и здесь скандинавских вещей, считая, что они могли быть принесены сюда вторым или третьим поколением жителей Гнездова. Однако она совершенно не принимал во внимание возможность параллельного проникновения скандинавских вещей прямо из Скандинавии (Спицын, 1905, с. 167—172).

Решение, основанное на такой возможности, предложил И. А. Тихомиров. Начатые им широкие раскопки Тимеревского и Михайловского могильников под Ярославлем привели ученого к выводам, прямо противоположным заключениям А. А. Спицына. Сопоставляя вещи из Ярославских курганов с древностями других памятников, И. А. Тихомиров поддержал старую теорию историков о северо-западном центре колонизации, указывая на удобство речных путей по рекам Шексне и Мологе, объясняющее концентрацию находок в районе Ярославля, затем близкое соседство мери с вьсюю, а веси с Новгородом, и наконец, предполагая прямые контакты Ярославского Поволжья со Скандинавией. Эти проблемы явились предметом острой дискуссии на IV областном историко-археологическом съезде в Костроме (Тихомиров, 1914, с. 74—140).

Перемещение населения с Северо-Запада И. А. Тихомиров связывал с активностью варягов (Тихомиров, 1909, с. 90). В дальнейшем эти взгляды были развиты основоположником «археологического нормализма» Туре Арне, рассматривавшим район Ярославского Поволжья как одну из скандинавских колоний на Руси (Арне, 1914, с. 222; 1918, с. 47).

Таким образом, к концу дореволюционного периода, во-первых, сложились две основные концепции древнерусской колонизации Ярославского Поволжья; во-вторых, для решения проблемы все шире стали привлекаться археологические данные, правда, в рамках традиционного для буржуазной науки «вещеведения»; в-третьих, Ярославское Поволжье становится одним из центральных объектов «норманнской проблемы».

В первых работах, опубликованных в советское время, иногда не-

критически излагались взгляды дореволюционных исследователей (Готье, 1922, с. 141). Однако новое поколение советских археологов выступило с резкой критикой норманистских положений. Одновременно в Ярославском Поволжье были начаты широкие раскопки, давшие материалы для «разрешения вопросов этногонии русского народа» (Станкевич, 1941, с. 56). Основным источником для изучения исторических процессов становятся не отдельно взятые вещи, а комплексы, причем особое внимание уделяется особенностям погребального обряда. Так, Я. В. Станкевич выделила в ярославских могильниках пласт древнейших погребений с сожжением; эти насыпи она сопоставила с новгородскими сопками и датировала VIII в., относя к этому времени начало освоения края славянами (Станкевич, 1941, с. 83). Надо отметить, что вопрос о сопках остается дискуссионным до сих пор (Артамонов, 1967, с. 66). В целом же славянскую колонизацию Я. В. Станкевич представляла как процесс «некоторого смешения славянского и мерянского населения», полностью отрицая присутствие в Ярославском Поволжье норманнов (Станкевич, 1941, с. 83).

Более детальное изучение неславянских, прежде всего местных, компонентов культуры ярославских могильников IX—XI вв. связано с утвердившейся в 50—60-х годах концепцией преимущественно автохтонного развития населения Восточной Европы. В это время вышла интересная, хотя во многом спорная монография Е. И. Горюновой, где проблемам славянской колонизации посвящены целые разделы. В отличие от Я. В. Станкевич, основную массу погребальных комплексов она связывает с финно-угорским населением, а именно с мерей (Горюнова, 1961, с. 198), по-видимому, несколько преувеличивая роль этого племени (Третьяков, 1962, с. 267).

Наметившиеся крайности — как преувеличение значения местного финно-угорского компонента, так и полное отрицание скандинавских элементов в Ярославском Поволжье — были преодолены на следующем этапе изучения этой группы памятников. Коллектив исследователей под руководством М. В. Фехнер в 1959—1963 гг. осуществил новые широкие раскопки ярославских могильников, внося значительный вклад в изучение истории Верхнего Поволжья (Ярославское Поволжье X—XI вв., 1963). В целях объективного изучения этнического состава древнего населения М. В. Фехнер и ее коллеги осуществили индивидуальную этническую диагностику погребальных комплексов (там же, сводные таблицы), предварительно выделив в погребальном обряде и инвентаре «этнические признаки» славянских, финно-угорских и скандинавских погребений (Фехнер, 1963, с. 12—19).

В результате ярославские могильники предстали как полнэтнические образования. Ведущим компонентом, по мнению исследователей, здесь является (весь) продвинувшаяся из района Белоозера в начале X в. Сла-

к 209,
1960

вянская колонизация региона начинается, по мнению М. В. Фехнер, не ранее середины X в. В течение всего времени существования могильников здесь отмечается присутствие незначительного числа скандинавов (Фехнер, 1963, с. 15—19).

Индивидуальная диагностика в данном случае оказывается недостаточной для изучения динамики процесса: анализ распределения этнически определяемых комплексов во времени позволяет сделать вывод о сложном характере взаимодействия разных этнических групп в Ярославском Поволжье IX—XI вв. (Клейн, Лебедев, Назаренко, 1970, с. 246).

К началу 70-х годов определились основные аспекты археологического изучения проблем Ярославского Поволжья на современном этапе. Во-первых, это хронология колонизации: существуют две точки зрения относительно ее начальной даты. П. Н. Третьяков вслед за А. А. Спицыным относит начало колонизации к IX в. (Третьяков, 1970, с. 127; Спицын, 1905, с. 96). Другие исследователи (Горюнова, 1961, с. 190; Фехнер, 1963, с. 17) полагают, что славяне появляются здесь не ранее X в. (предположение Я. В. Станкевич о появлении славян в VIII в. обычно не учитывается). Во-вторых, остаются дискуссионными вопросы об исходной территории и этническом составе колонизационных потоков. Еще А. А. Спицын намечал правильный путь решения, когда, polemизируя с А. С. Уваровым, называл могильники Владимиро-Суздальского ополья «русскими», отмечая, что «курганы массами расположены именно там, где в X—XII вв. жило русское население и существовали русские города» (Спицын, 1905, с. 165). Однако при этом он полностью отрицал роль финно-угров; советские исследователи пришли к выводу о сложном составе колонизационных потоков, включивших не только славян, но и ославянившуюся чужд и весь (Горюнова, 1961, с. 185), а также какое-то количество скандинавов, двигавшихся вместе с другим населением Северо-Запада (Фехнер, 1963, с. 17).

Очевидно, что как в вопросах хронологии, так и этнического состава колонизации необходим дифференцированный подход к проблематике, учитывающий ее динамизм и многогранность. Ранняя дата — IX в., — зафиксированная некоторыми комплексами Ярославского Поволжья, может относиться к начальному этапу колонизации, эпизодическим проникновениям древнерусского населения в Ярославском Поволжье. X век — время массового движения нового населения, оставившего Тимеревский, Петровский и Михайловский могильники.

Эта массовая колонизация представляла собой не просто механический процесс передвижения племен или группировок, а сложное экономическое, социальное и политическое явление (Третьяков, 1970, с. 122). Движение это включало не только славян, но и разноэтническое, в различной степени затронутое славянским влиянием пришлое.

а также и местное население. Сейчас очевидно, что принятый в литературе термин «славянская колонизация» в данном случае не отвечает истине. Правильнее называть это движение «древнерусским».

В материалах могильников под Ярославлем отразился сложный процесс формирования качественно нового этносоциального образования, в состав которого вошли различные (местные и пришлые) финские группировки, какое-то влияние на начальном этапе оказали варяги, но основой которого явились новгородские славяне на ранней стадии, а позднее — славяне Верхнего Поднепровья.

Решение задачи, сформулированной в начале советского периода, исследования данной проблематики (Станкевич, 1941, с. 56) на современном этапе требуют изучения динамики этого процесса. На первый план выступает выявление генеральных тенденций развития погребального обряда, эволюции его исходных и формирования новых вариантов. Изменение «этнокультурного контекста» могильников, анализ массовых процессов. Следует иметь в виду, что в ходе такого развития может происходить трансформация значения тех или иных археологических фактов. С одной стороны, «этнические признаки» на определенном этапе могут утратить свою диагностическую силу, с другой — в ходе развития выявляются новые для данной культуры элементы, характеризующие новую, формирующуюся общность. Особое внимание следует уделить анализу изменений структуры могильников, характеризующих эволюцию оставившего эти могильники общества. Актуальной задачей является также исследование связанных с могильниками поселений, определение их хронологии, характера культуры, общественных и экономических функций.

Имеющийся фонд источников и исследований по Ярославскому Поволжью представляет собой надежную базу для решения этих задач.

В настоящее время мы обладаем богатым и разнообразным материалом. В 1972 г. открыты поселения, входящие в состав Тимеревского комплекса, синхронные и непосредственно связанные с могильником, упоминавшимся выше (Дубов, 1973, с. 51). В нашем активе — два клада арабских монет, один из которых найден прямо на территории поселения у д. Б. Тимерево (Ярославский край, 1972, с. 11; Дубов, 1975, с. 57—58; Добровольский, Дубов, 1975, с. 65—70). Новую жизнь в науке обрели и сами Тимеревские курганы, когда в результате раскопок выяснилось, что могильники не исследованы полностью (Дубов, 1974, с. 51) и существуют реальные возможности для дальнейших работ (Мальм, Недошвина, Полякова, Фехнер, 1975, с. 67—68).

Полученные новые материалы, а также тщательный анализ уже известных данных позволяют в новом свете откорректировать некоторые выводы и воссоздать более достоверную картину истории Ярослав-

2-й этап
консолидации
Мальм и Спицын

2-й этап
консолидации

ского Поволжья эпохи раннего средневековья (Дубов, 1974а; 1974б, с. 18—19).

Основными исходными территориями древнерусской колонизации Ярославского Поволжья были земли Новгородские.

Колонизация с самого начала носила сложный в этническом отношении характер — и словене новгородские, и финно-угры. На раннем этапе незначительные группы скандинавов, появившиеся в Ярославском Поволжье в составе потоков славянского населения из районов Северо-Запада, еще сохраняют некоторые этнические черты, наиболее ярко отразившиеся в погребальном обряде.

В формировании древнерусской народности приняло активное участие и местное финно-угорское население, о чем свидетельствуют материалы погребальных памятников X в. (подкурганные «домики мертвых»).

Начало этого процесса следует отнести к IX в., а его развертывание к X в., когда мы фиксируем в погребальном обряде и инвентаре разноэтничные элементы, органически вписывающиеся в единый погребальный ритуал. Причем обилие скандинавских вещей говорит уже не о наличии скандинавов, а об упорении и развитии связей Восточной Европы с Северными странами.

В IX в. в Ярославском Поволжье начинается бурный процесс становления раннефеодального общества; на первых порах он связан, возможно, с племенными объединениями, включавшими в свой состав разноэтничное население, но с преобладанием финно-угорских элементов.

В конце X — начале XI в. Ярославское Поволжье включается в состав Древнерусского государства, что связано с усилением общерусских тенденций к феодализации, укреплением роли княжеской власти и притоком нового земледельческого населения с других восточнославянских территорий, преимущественно из районов Северо-Запада. Здесь формируется социально-стратифицированное общество. Местная группировка прекращает свое существование, и укрепляется княжеская власть, что отразилось, с одной стороны, на создании форпостов феодализации и христианизации края — княжеских городов Ростова Великого, Ярославля и других, а с другой — на появлении многочисленных сельских поселений и могильников, разбросанных по всей территории Ярославского Поволжья.

Исторически Ярославлю как политическому, экономическому и военному центру края предшествует комплекс памятников специфического облика, которые нельзя назвать деревней, но которые еще не стали городом, своего рода «протогород» на Волге и Которосли. Его расцвет определялся социальными и этническими процессами на этой территории в IX—X вв. и возросшей в этот период ролью Великого Волжского водного пути. В предгосударственный период Волжский путь не

только связывал земли Восточной Европы, страны Скандинавии и мусульманского Востока, но и обеспечивал потребности и рост экономического могущества формирующейся военно-дружинной и торговой знати «племенных княжений» — предшественника господствующего класса раннефеодального общества Древней Руси.

Историографический анализ позволяет видеть и оценивать в перспективе богатейший фонд источников, дающих возможность для плодотворного исследования истории Ярославского Поволжья — составной части Древнерусского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М. И. 1967. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. — В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л., с. 29—69.
- Бестужев-Рюмин К. Н. 1872. Русская история, т. 1. СПб. 726 с.
- Горюнова Е. И. 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94. 267.
- Готье Ю. В. 1922. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. — Труды секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук, т. IV. М., с. 138—144.
- Дсбровольский И. Г., Дубов И. В. 1975. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным). — Вестн. Ленингр. ун-та, № 2, с. 65—70.
- Дубов И. В. 1973. Работы Ярославского отряда. — АО 1972 г. М., с. 63.
- 1974а. Ярославская экспедиция. — В кн.: АО 1973 года. М., с. 71.
- 1974б. Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья. Автореф. канд. дис. Л. 25 с.
1975. Ярославская экспедиция. — АО 1974 г. М., с. 57.
- Ешевский С. В. 1870. Русская колонизация Северо-Восточного края. М. 186 с.
- Зеленин Д. К. 1929. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности. — Труды Ленингр. отделения изучения культуры финно-угорских народностей, вып. 1, с. 31—44.
- Карамзин Н. М. 1892. История государства Российского, т. 1. СПб. 316 с.
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—X вв. Л., с. 226—252.
- Ключевский В. О. 1908. Курс русской истории, ч. 3. М. 476 с.
- Корсаков Д. Н. 1872. Мера и Ростовское княжество. Казань. 246 с.
- Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Полякова Г. Ф., Фехнер М. В. 1975. Тимеревский могильник близ Ярославля. — АО 1974 г. М., с. 64.
- Платонов С. Ф. 1915. Лекции по русской истории. Пг. 743 с.
1922. Очерк низовской колонизации Севера. — В кн.: Очерки по истории колонизации Севера. Пг., с. 18—29.
- Полевой Н. А. 1830. История русского народа, т. 3. М. 415 с.
- Соболевский А. И. 1892. Русские заимствованные слова. Литография с рукописи. Л. Библиотека АН СССР. Пб. 325 с.
1902. Откуда шла колонизация в Ростово-Суздальскую область? М. 25 с.
- Соловьев С. М. 1859. История России с древнейших времен, кн. 1. М.
- Спицын А. А. 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. — ЖМНП, вып. VIII. СПб. 40 с.
1905. Владимирские курганы. — ИАК, вып. 15. СПб., с. 84—172.

- Станкевич Я. В. 1941. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. — МИА, № 6, с. 56—88.
- Тихомиров И. А. 1909. Кто насыпал Ярославские курганы, ч. II. — Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир, с. 1—98.
1914. Славянское заселение Ярославской губернии. — Труды IV Областного историко-археологического съезда. Кострома, с. 65—145.
- Третьяков П. Н. 1962. [Рец. на книгу: Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. (МИА, 1961, № 94)]. — СА, № 4, с. 258—269.
1970. У истоков древнерусской народности. — МИА, № 179—156 с.
- Уваров А. С. 1869. Меряне и их быт по курганным раскопкам. — Труды I Археологического съезда, ч. II, М., с. 633—847.
- Фехнер М. В. 1963. Тимеревский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., с. 5—19.
- Ярославский край. 1972. Сборник документов по истории края (XI век — 1917 год). Ярославль, 120 с.
- Ярославское Поволжье X—XI вв. 1963. М. 144 с.
- Arne T. J. 1914. La Suède et l'Orient. Upsal, 243 p.
1918. Ett svenskt gravfält i guvernementet Jaroslavl, Russland. — "Forn vänner". Stockholm, s. 31—64.

В. М. Горюнова

ПОСЕЛОК РЕМЕСЛЕННИКОВ НА ЛОВАТИ

Социально-экономическое развитие общества на территории Северо-Запада РСФСР накануне образования Древней Руси и включение этого обширного региона в систему международной торговли привело начиная с IX в. к возникновению поселений нового типа, носивших ярко выраженный торгово-ремесленный характер (Ладого, Рюриково городище, Тимерево, Гнездово). Они переживают расцвет в IX—X вв., что по времени совпадает с пиком в развитии торговых отношений Европы с Востоком. По-видимому, с X в. в систему водного торгового пути включается и район верхнего течения р. Ловать. Тщательное его обследование в археологическом отношении, проведенное еще в 50-е годы Я. В. Станкевич, не привело к открытию сколько-нибудь значительных следов поселений VIII—IX вв. Наиболее выразительный материал, добытый Я. В. Станкевич, происходит с поселения в урочище «Городок» под Великими Луками, подвергнутого планомерному исследованию в 1954—1957 гг.

Я. В. Станкевич была полностью исследована укрепленная часть поселения, которая занимает моренный холм на краю высокого коренного берега р. Ловать. Здесь обнаружены преимущественно жилые комплексы и остатки хозяйственно-бытовых строений X—XII вв. Стратиграфические наблюдения, анализ материала — керамики, украшений, вещей бытового назначения — свидетельствуют о двух слоях или ком-

плексах поселений X в. — начала XI вв. и второй половины XI — XII вв. (Горюнова, 1974, с. 75). С 1971 г. работы под Великими Луками были возобновлены кафедрой археологии ЛГУ. В результате были получены новые факты, которые существенно дополнили картину социально-экономической жизни поселка на ранней его стадии.

В 30—40 м от городища, за небольшой ложбиной, на сравнительно крутом склоне коренного берега были обнаружены 17 построек X в., которые носят четко выраженный производственный характер. В конструктивном отношении они не однородны и делятся на три типа. К первому относятся наземные срубные сооружения с углубленной предгорновой частью (рис. 1А). Примером его может служить лучше других сохранившаяся постройка № 14, размеры ее — 4,8×4 м. На материке прослежены следы обуглившихся бревен нижнего венца, под двумя углами которого находились крупные валунные камни. В центре, в материковом полу, располагалась округлая предгорновая яма диаметром около 1 м, глубиной 0,2 м. Пространство между юго-восточным углом постройки и ямой занимал толстый слой слегка обожженной красной глины и пережженных камней. На полу постройки в углстом слое обнаружено большое количество железных шлаков, обрывки бронзовой проволоки, оплавленная бронзовая трапецевидная подвеска. Второй тип представлен сооружениями в виде больших овальных (в плане) разного размера ям глубиной до 0,8 м, сохранивших следы очажков-горнов на одном из бортов или материковом выступе стены ямы (рис. 1Б). Дно и стены последней обмазывались глиной. Сооружения этого типа аналогичны исследованным в 1967—1968 гг. И. И. Ляпушкиным на Гнездовском поселении (Ляпушкин, 1968, с. 43). Наконец, к третьему типу принадлежат наземные постройки со столбовой конструкцией стен, иногда частично врезанные в склон холма (рис. 1В). В предгорновой части они нередко несколько углублены в материк.

В постройках обнаружены остатки горнов двух видов: округлой формы и обычные кузнечные горны. Горны первого вида сооружались из глины и камней, диаметр их толки достигал 30—35 см. Работали они на древесном угле с добавкой в качестве флюса костей животных и, возможно, серы. Эти горны служили для расплавки бронзы в тиглях. Горны второго вида складывались из камней. Отдельные постройки имели два горна — кузнечный и для плавки бронзы.

Отмеченные выше различия в конструкции сооружений объясняются не их хронологией, а производственным назначением. В одних случаях они связываются преимущественно с кузнечным ремеслом (первый вид), в других — с ювелирными работами (второй и третий виды). Но это разделение, видимо, не всегда имело место. Особенности постройки № 6, где обнаружены горны двух видов, как и характер заполнения постройки № 14, говорят о том, что кузнецы нередко совме-